

Фонвизин Сергей Иванович

Две жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
Две жизни / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 354 с.

ISBN 978-5-521-28540-2

ISBN 978-5-521-28540-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По тому, какъ человѣкъ просыпается утромъ, можно судить объ основной чертѣ его характера. Оптимистъ просыпается съ улыбкою, пессимистъ—съ гримасою. Первый, открывая глаза, готовъ воскликнуть: „жизнь прекрасна!“ второй—„жизнь отвратительна!“ Конечно, жизнь тутъ не при чемъ. Одинъ обладаетъ хорошимъ самочувствіемъ, другой—сквернымъ. Въ этомъ все дѣло.

Галицкій проснулся въ 6 часовъ. Онъ открылъ глаза, заложилъ руки за голову и сладко потянулся. Потомъ, приподнявшись на локтѣ, взглянулъ на бронзовые часы, стоявшіе на ночномъ столѣ. Словно въ отвѣтъ на его взглядъ, часы быстро и мягко пробили 6 разъ. Галицкій улыбнулся и, легкимъ движеніемъ приподнявъ крупное тѣло, свѣсилъ съ постели ноги. Онъ улыбнулся, думая о томъ, что, въ которомъ бы часу ни легъ, какъ бы поздно ни заснулъ, онъ обязательно и безъ всякихъ будильниковъ просыпался въ обычный часъ; улыбался тому, что чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ; улыбался хорошему, пригожему дню, ясному небу, солнцу и свѣту, свободно вливавшемуся черезъ ничѣмъ не завѣшанныя окна его рабочаго кабинета, гдѣ съ ранней весны и до поздней осени онъ спалъ отдѣльно отъ жены, не желая ее беспокоить раннимъ вставаньемъ. Теперь, сидя на постели, онъ соображалъ,

какъ и всегда, прежде чѣмъ начать одѣваться,—что ему сегодня предстояло дѣлать. Прежде всего — посмотреть на работу вчера исправленной молотилки. „Молодецъ Ермилъ! сказалъ, что исправить и исправилъ... А Федоръ Карпычъ хотѣлъ уже посылать въ городъ за мастеромъ“. Потомъ надо будетъ провѣрить книги, присланныя въ народную читальню; потомъ побывать въ училищѣ и сговориться насчетъ завтрашняго чтенія; зайти на стройку и посидѣть тамъ, да посидѣть подольше: даже странно, насколько работа идетъ скорѣе и успѣшнѣе, когда сидишь и смотришь... Да, не забыть заглянуть въ молочную, убѣдиться—исполнено ли приказаніе, чтобы днемъ всѣ окна были открыты. Онъ уже два раза замѣтилъ Евгеніи Николаевнѣ, что воздухъ въ молочной тяжелъ и нельзя такъ закупориваться; но она упряма и увѣряетъ, что слишкомъ много налетаетъ мухъ. „Ставьте тогда кисейныя рамы. Гдѣ онѣ?“ А она даже не знаетъ, гдѣ онѣ. Вообще, порядокъ у нея хромаетъ. Придется какъ-нибудь выбрать свободный денекъ и произвести подробную ревизію всей фермы... Ну, что еще? Съѣздить въ лѣсъ и осмотрѣть участокъ, который будетъ сводиться на нужды экономіи. Но это ужъ подъ вечеръ, чтобы не отрывать Федора Карпыча отъ дѣла—благо участокъ недалеко. Вотъ и все, кажется. Немного, сейчасъ видно, что рабочая пора на исходѣ. Но какая чудная осень, давно такой не было. Конецъ сентября, а дни стоятъ совсѣмъ лѣтніе. Славно... А какъ будто что-то еще надо было сегодня сдѣлать и что-то несовсѣмъ пріятное... Нѣтъ, забылъ... Ну, да все равно, потомъ вспомню.

Вытянувъ ноги, онъ сразу, привычнымъ движеніемъ, попалъ въ туфли, прошелъ въ уборную, гдѣ принялъ

душъ и сталъ одѣваться. Надѣвъ черные суконные шаровары и высокіе сапоги, онъ взглянулъ на градусникъ. „12. Можно теперь же надѣть полотняную рубашку“. Вложивъ въ кармашекъ широкаго кожанаго пояса часы и прицѣпивъ къ его кольцу связку ключей, онъ прошелъ назадъ въ кабинетъ.

— Входи! — крикнулъ онъ въ отвѣтъ на стукъ въ противоположную дверь.

Въ комнату вошелъ, одѣтый деньщикомъ, камердинеръ Федосюкъ, здоровенный малый, почти одного роста съ Галицкимъ, съ типичною бритою фizioноміей хохла. Онъ поставилъ на столъ серебряный подносъ со стаканомъ чая и двумя яйцами и, отойдя въ сторону, вытянулся, оскаливъ весело зубы.

— Здорово, Федосюкъ! — сказалъ Галицкій, садясь за столъ. Какова погода, а?

— Здравія желаю в-му с-ву! — отвѣтилъ, еще шире улыбаясь Федосюкъ. — А погодка, одно слово, знатная.

Онъ, какъ истый хохоль, говорилъ на о и г не выговаривалъ. Когда Галицкій выходилъ изъ полка, Федосюкъ, состоявшій при немъ въ деньщикахъ и которому тогда кончался срокъ службы, заявилъ, что ему дома, на родинѣ, дѣлать нечего, такъ какъ у него тамъ нѣтъ ни кола, ни двора и просилъ Галицкаго оставить его при себѣ. Галицкій отправилъ его въ Нагорное, въ качествѣ помощника управляющаго. Потомъ, когда Галицкій, возвратившись изъ-за границы, окончательно поселился въ деревнѣ, Федосюкъ вернулся къ прежнимъ обязанностямъ камердинера.

— Тебѣ что? — спросилъ Галицкій, принимаясь за яйца и замѣтивъ, что Федосюкъ продолжаетъ стоять въ выжидательной позѣ.

— Осмѣлюсь доложить, господинъ ротмистръ приказали узнать, въ которомъ часу в-е с-о поѣдутъ въ лѣсъ. Если рано, приказали себя будить.

„А, вотъ оно то непріятное, о чемъ онъ забылъ. Господинъ ротмистръ Брянскій, братъ его жены, желаетъ ѣхать съ нимъ въ лѣсъ... надѣясь, вѣроятно, что лѣсной воздухъ сдѣлаетъ его краснорѣчивѣе и ему удастся убѣдить его, Галицкаго, совершить величайшую глупость, даже не глупость, а... и названія-то этому не подберешь... Какой-то невмѣняемый младенецъ, право“.

Кивнувъ Федосюку, чтобы тотъ принялъ тарелку, онъ придвинулъ стаканъ и сталъ разсѣянно мѣшать въ немъ ложечкой.

„Но все-таки непріятно... Живетъ вторую недѣлю, скучаетъ, видимо, до одури, а Лиду только путаетъ... Изнервничалась вконецъ, стала донельзя раздражительна... Ну, да Богъ съ нимъ! Когда-нибудь уѣдетъ же“.

— Можешь не будить, — сказалъ онъ. — Если поѣду, то подъ вечеръ.

Онъ допилъ чай, надѣлъ военную фуражку, которую, по старой привычкѣ, всегда носилъ въ деревнѣ, спустился въ садъ, обошелъ кругомъ дома и вышелъ на обширный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ хозяйственными постройками. У задняго крыльца на скамейкѣ сидѣлъ высокій, худой мужикъ, съ блѣднымъ испитымъ лицомъ и бѣлымъ на правомъ глазу. Увидавъ Галицкаго, мужикъ всталъ и снялъ шапку.

— Здравствуй, Шляковъ. Что скажешь? — спросилъ Галицкій. — Надѣнь шапку.

Шляковъ медленнымъ движеніемъ, встряхнувъ волосами, надѣлъ шапку и, слащаво улыбаясь, произнесъ:

— Къ в-му с-у, деньжонокъ не одолжите ли?

— Почему же ты просишь у меня, а не у Федора Карпыча? Порядокъ вѣдь знаешь?

— Федоръ Карпычъ не даетъ.

— Почему?

Мужикъ замялся, потомъ глядя въ сторону, промямлилъ:

— Старый должокъ есть... Федоръ Карпычъ крикъ: „Сначала старый отдай, а потомъ и проси, а такъ-то, крикъ, на васъ денегъ не напасешься“.

И, продолжая глядѣть въ сторону, онъ какъ-то криво усмѣхнулся.

— И правильно говорить, — сказалъ Галицкій. — Для тебя порядковъ своихъ мѣнять не станемъ. Прощай.

— Да старого-то совсѣмъ малость осталась, — поспѣшно выговорилъ мужикъ.

— Сколько?

— Три съ четвертью.

— А сколько бралъ?

— Сорокъ.

Галицкій, собиравшійся было уходить, повернулся и внимательно оглядѣлъ мужика.

— На что просишь?

— Съ плотниками разсчитаться не хватаетъ. Избу, небось, видѣли, такъ вотъ...

— Сколько просишь?

Мужикъ быстро скосилъ здоровый глазъ на Галицкаго и тотчасъ же снова потупился.

— Да рубликовъ пятьдесятъ, коли-бъ милость ваша была.

— Ну, пойдемъ къ Федору Карпычу. Узнаю, почему онъ тебѣ не даетъ.

Галицкій направился къ боковымъ воротамъ, а мужикъ остался на мѣстѣ, нерѣшительно переступая ногами.

— Плотники-то ждуть... — протянулъ онъ, снимая опять шапку.

Галицкій остановился.

— Ты, что-же это, думалъ, что я тебѣ такъ сейчасъ денежки и выложу... Что-то ты, братецъ мой, виляешь. А не хочешь идти, какъ знаешь, твое дѣло.

Мужикъ сумрачно поглядѣлъ ему вслѣдъ, потоптался еще на мѣстѣ; но потомъ, рѣшительно нахлобучивъ шапку, вяло поплелся сзади.

Галицкій охотно ссужалъ деньгами нуждающихся крестьянъ. Отдавали, когда хотѣли, и кто чѣмъ хотѣлъ: деньгами же, овсомъ, работой. Но соблюдалось правило: пока не уплаченъ старый долгъ, вновь не давать. И при такомъ порядкѣ случалось, что долгъ не возвращался, и деньги пропадали. Но Галицкій съ этимъ мирился. Сознаніе приносимой пользы было такъ очевидно, что вознаграждало вполне за тѣ нѣсколько сотенъ рублей, которыя были потеряны за всѣ 6 лѣтъ его хозяйственной дѣятельности. Вѣдь приходилось же ему прежде—да и теперь приходится жертвовать и не такія суммы на разныя филантропическія затѣи, въ большинствѣ всегда безцѣльныя. А тутъ польза явная, очевидная: въ его мѣстности не осталось теперь ни одного кулака.

„А Шляковъ навѣрное вретъ“, думалъ онъ, направляясь къ молотильному сараю, расположенному за усадьбой, въ полѣ. „Не можетъ быть, чтобы Федоръ Карпычъ, зная, какъ я этого не люблю, отказалъ своему, сельскому, изъ-за какихъ-то недоплаченныхъ трехъ рублей. Что-нибудь да не то. Хотя, по правдѣ, Шля-

кову и совѣмъ помогать не слѣдовало бы. Дрянъ мужикъ. Пьяница, нахаль, фальшивый, и злоба какая-то при этомъ особая... Всегда противъ всѣхъ его, Галицкаго, начинаній, всегда путаетъ и смущаетъ остальныхъ. Даже послѣдній разъ, на первомъ сходѣ, собранномъ для отвода земли подъ потребительную лавку, такъ запуталъ мужиковъ разнымъ вздоромъ, что они всѣ между собой переругались и разошлись, ничего не сдѣлавъ. Еще тогда Федоръ Карпычъ вернулся совѣмъ возмущенный. Не вслѣдствіе ли этого не хочетъ давать ему теперь денегъ? Впрочемъ, врядъ-ли... Зато на второмъ сходѣ, когда пришелъ онъ самъ и заявилъ, что если земля не будетъ отведена тотчасъ-же, онъ это дѣло бросить и выстроить лавку, но уже свою, на собственной землѣ, они Шлякова, продолжавшаго нести какую-то околесицу, чуть не избили. Да, вотъ ужъ типичный „глоть“. И вся семья такая. Отецъ—въ Сибири, сосланъ за то, что по злобѣ поджегъ сосѣдскій амбаръ, мать — 60-лѣтняя старуха—пьяница и развратница, а старшій братъ—слѣпой—такой сквернословъ, что прославился на всю округу, и за нимъ присылаютъ пьяныя компаніи, заставляютъ его ругаться и платятъ за это деньги. Говорятъ, онъ и ослѣпъ во время одного изъ такихъ представленій. Божья кара!—толковали тогда... но и она, очевидно, не подѣйствовала. Впрочемъ, и этому грозитъ, кажется, та же участь: глазомъ, на которомъ бѣльмо, онъ уже и теперь ничего не видитъ.

Шумъ отъ молотилки доносился все явственнѣе. Видно было, какъ около сараевъ суетился народъ. Изъ самага большаго, средняго вышелъ управляющій, Федоръ Карпычъ, совѣмъ еще молодой человѣкъ съ круглымъ лицомъ и такими красными щеками, что, казалось, стоитъ до нихъ дотронуться, и брызнетъ кровь.

Отъ всей его плотной, коренастой фигуры вѣяло несокрушимымъ здоровьемъ и силой. Немного переваливаясь, но быстрымъ, легкимъ шагомъ, онъ направился навстрѣчу Галицкому.

— Здравствуйте, Федоръ Карпычъ,—сказалъ Галицкій, не останавливаясь.—Вотъ я вамъ человѣчка привелъ. Говорить, что просилъ у васъ денегъ, а вы не дали.

На кругломъ лицѣ Федора Карпыча выразилось удивленіе.

— Кто-же это такой?—спросилъ онъ.

— Да, вотъ, Шляковъ.

Галицкій, продолжая итти, махнулъ рукой назадъ.

— Да гдѣ-же онъ, в-е с-о? съ еще большимъ недоумѣніемъ произнесъ Федоръ Карпычъ, растерянно повертываясь во всѣ стороны.—Съ вами никого нѣтъ.

— Какъ никого?

Галицкій остановился и оглянулся.

— Ха-ха-ха! Вотъ мошенникъ!—разсмѣялся онъ.— Удралъ. А я и не замѣтилъ, думалъ, онъ идетъ за мной... Поймалъ меня, когда я выходилъ, и проситъ 50 руб.,—нечѣмъ, молъ расчитаться съ плотниками.— „Почему у меня просишь, а не у Федора Карпыча?“ „Просилъ“, говоритъ, „не даетъ, старый долгъ за мной есть“. „Сколько?“ „Три съ четвертью“. Неужели, думаю, вы изъ-за этого отказали. „Ну, пойдемъ“, говорю, „къ Федору Карпычу, узнаю, въ чемъ дѣло“. Сначала, какъ будто замаялся, а потомъ, вижу, идетъ за мной. Ну, а въ концѣ концовъ удралъ-таки. Въ чемъ дѣло? Былъ онъ у васъ?

Федоръ Карпычъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, самъ онъ у меня не былъ. Была его жена и, дѣйствительно, просила денегъ на плотниковъ, но не 50, а 25 руб.; но я отказалъ.

— Почему?

— Порубку онъ у насъ сдѣлалъ,—выговорилъ Федоръ Карпычъ медленно.—Въ Заповѣдникѣ восьмивершковую ель срубилъ. По таксъ 6 руб. стоитъ, а такъ и всѣ 9 заплатишь; да здѣсь такой и не купишь, нѣту лѣса такого. Ну, назначилъ я ему, по расчету, отработать; зову разъ, другой, а онъ хотъ бы что... Дѣвчонку, впрочемъ, свою прислалъ... полоть. „Да скажи“, говорить, „чтобъ меня и не звали. Приду, когда захочу, а нѣтъ—такъ и вовсе не приду“. Я и то хотѣлъ доложить в-у с-у. Это такой нахалъ, какихъ другихъ нѣтъ. Такому спускать—только хуже дѣлать.

Галицкій нахмурился. Онъ любилъ и берегъ лѣсъ, держалъ образцовую лѣсную стражу, а потому порубокъ, и вообще, было очень мало; но чтобы порубку совершилъ свой же, сельскій, да еще въ Заповѣдникѣ, въ полуверстѣ всего отъ усадьбы—такого случая онъ не запомнить.

— Пошлите ему сказать, что если онъ завтра же не явится и не отработаетъ всего того, что вы ему назначили, вы подадите жалобу земскому начальнику. Ну, а со сторожемъ что вы сдѣлали?

— Сторожъ не виноватъ, в-е с-о.

— Т. е., какъ это?—выговорилъ Галицкій рѣзко.—Сторожъ, подъ охраной котораго всего-на всего 46 десятинъ, не виноватъ, когда у него подъ носомъ рубятъ лѣсъ. Да онъ, лежа у себя на печкѣ и то долженъ слышать каждый ударъ топора.

— Совершенно вѣрно. Но тутъ вышло особое обстоятельство... Изволите помнить бурю 20-го августа?

„Помнить ли онъ эту бурю? Еще бы. Это было что-то невиданное. Онъ возвращался подъ вечеръ изъ города верхомъ и на большомъ Теряевскомъ мосту его поры-

вомъ вѣтра чуть не снесло въ воду. Хорошо, что это случилось въ самомъ концѣ моста, и онъ успѣлъ пришпорить лошадь... А сколько бѣдъ натворила эта буря въ лѣсу. Въ одномъ Заповѣдникѣ 97 деревъ повалила“.

— Да, помню. Ну-съ?

— Шляковъ дерево срубилъ какъ разъ въ эту ночь. Гдѣ ужъ тутъ сторожу было укараулить. Выйти изъ дома—и то опасно было. Но нашелъ онъ порубку тотчасъ же, на слѣдующее утро, а въ десять часовъ былъ у меня и доложилъ, что дерево у Шлякова. Я—туда; а оно у него ужъ—у воротъ, въ дыбахъ.

Галицкій молча двинулся дальше.

— Работаетъ, кажется, исправно?—спросилъ онъ наконецъ, прислушиваясь къ ходу молотилки.

— Пока идетъ. Что дальше будетъ?—отвѣтилъ Федоръ Карпычъ, усмѣхаясь.

— Золото, не человѣкъ—этотъ Ермилъ... На всѣ руки. Другого такого не найдешь.

Федоръ Карпычъ сосредоточенно уставился на свои пыльные сапоги.

— Вы развѣ не согласны?—спросилъ Галицкій удивленно.—А я думалъ, что вы имъ очень дорожите.

— Конечно, дорожу, на дѣло онъ золото—это вѣрно. Одно только нехорошо... — Федоръ Карпычъ нерѣшительно смолкъ:—Ужъ очень онъ жену бьетъ,—закончилъ онъ тише.

— Какъ, опять?

— Да онъ и не переставалъ, в-е с-о. Какъ напьется въ праздникъ, такъ и бьетъ. Только прежде билъ полегче, съ оглядкою, а теперь совсѣмъ по звѣрски... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Послѣдній разъ я съ двумя рабочими насилу ее отбилъ. Совсѣмъ извелъ бабу, такъ изъ синяковъ и не выходитъ, а только одно